

И В А Н ОХЛОБЫСТИН

НЕБЫЛИЦЫ И ДУМЫ

Миры Охлобыстина

Иван Охлобыстин
Небылицы и думы

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Охлобыстин И. И.

Небылицы и думы / И. И. Охлобыстин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Миры Охлобыстина)

ISBN 978-5-17-120075-6

В новой книге знаменитого актера, священника и хулигана Ивана Охлобыстина на наших глазах реальная жизнь сплавляется с дерзким вымыслом в жанре иронического детектива, а фэнтези в лубочном стиле с экстравагантными идеями создания нового мира, которые, впрочем, очень в духе русских мыслителей всех времен. Мечты, мечты... Что может больше сказать о человеке, чем его личная утопия? Но как же все это кинематографично! С каким жаром и щегольством написано!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120075-6

© Охлобыстин И. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Личная ниша	6
Часть первая	7
Как я сошел с лыжни	7
На киллера!	9
Не спит дочурка	11
Инсомния	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Охлобыстин

Небылицы и думы

© Текст. Иван Охлобыстин, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

© Фото, Андрей Федечко

Личная ниша (Вместо предисловия)

Набрал в поисковике ВК свое имя и обрел шестьсот восемь себя. Фейки.

Я почитал истории некоторых из них и поразился разнообразию – от двенадцатилетней троечницы из Липецка до пятидесятилетнего инспектора таможенной службы. Я посмотрел фотографии в альбоме рыбака из Финляндии. Я наткнулся на злобнейшего отрока-тролля из неполной семьи, вынужденного таскаться по миру вслед то за мамой, то за папой. Я умилился наивной, сердечной чистоте барышни сомнительных заработков. Я «скрипнул зубами» в унисон уволенному в запас морпеху. Я улыбнулся престарелой даме, всю жизнь положившей на исследования творчества малоизвестного белорусского поэта. Я помолился с несколькими сотнями просто хороших людей под ником «Иван Охлобыстин». Трое из шестисот восьми умерли. Один в аварию попал, другой утонул, третий – неизвестно как.

В оставшихся шестистах пяти весь мир представлен. И светлые, и темные его стороны. Все «за», все «против».

Это как долго в Рождественскую ночь в зеркало глядеться. Можно заглянуть в собственную душу с «другой стороны».

В личную нишу массового бессознательного.

Часть первая

Если бы я был дьяволом

Как я сошел с лыжни

В субботу, за просмотром сериала «Сегун», на эпизоде прозрения Анджин-сана, я в который раз пришел к удивительному умозаключению: для того чтобы стать свободным от зависимостей, необходимо как минимум их приобрести.

Прежде, следуя этой противоречивой, но вполне практичной формуле, я приложил все возможные усилия, дабы увить свое кукурузное бытие веригами разной тяжести и плетения. Здесь было все: и аляповатые представления о гражданском долге, и неудобоваримые дружеские обязательства, и иссушающие мозг эстетические идеалы.

Так вот: по достижении возраста истинной половой зрелости упоенный соратник муз, сиречь я, Иван Охлобыстин, оказался в состоянии полной кабалы и услужения десятку-другому жизнерадостных трутней, в отличие от меня абсолютно не терзающихся устремлениями к вожаденной свободе. Они ее попросту имели от рождения по состоянию здоровья.

Так могло продолжаться бесконечно, когда бы прозаика (меня) не начала терзать ипохондрия и мигрень. Именно тогда мне на выручку и подоспела любовь. О любовь! Имя тебе – Оксана! Едва взглянул в ее глаза, как уже имел пятерых детей, стиральную машину «Индезит» и смерть в семидесятисемилетнем возрасте от анемии. Не знаю, что распознала она в свечении моих глазных яблок. Но первой ее фразой было откровение: «Честно признаться, до этого я жила только искусством».

Через семьсот тридцать семь дней четыре часа и восемь минут после этих слов, в воскресенье, я обнаружил себя в прихожей собственной квартиры натирающим мазью лыжи. Вообще-то, до лыж я охоч с роду не был. Не то чтобы брезговал, хотя и близко к сердцу не принимал. Мне всегда казалось странным, что взрослые и здоровые организмы суетятся между сосен, прилепив к ногам шпакетки, вместо того чтобы, предположим, колоть рогатиной мишку-шатуна или на худой конец снулого демократа.

Но, так или иначе, я все-таки лыжи в прихожей мазал, а через какие-то полчаса, понукаемый женой, лез в тушинские придорожные кущи. Мимо нас то и дело бодро мельтешили соотечественники. Как мне казалось, в большинстве своем они страдали язвой, однако попадались анонимные алкоголики и граждане излишне нервных повадок.

После бессмысленной двадцатиминутной погони за моей шустрой голубкой я приуменьшил ритм скольжений, потом и вовсе остановился. Мое внимание привлекла свежая лыжня, уходящая в чащу, влево от основных трасс здоровья. Надеюсь сократить путь, я свернул на эту сиротливую лыжню. Через пять минут мой влажный от абсурдных телодвижений организм выехал на опушку.

Посреди нее стояли «Жигули» четвертой модели, неведомо как заехавшие сюда. Рядом же с машиной нетерпеливо переминались с ноги на ногу трое лыжников и один в штатском. Тот, что в штатском, алчно разливал лыжникам из заиндевевшей бутылки водку в пластмассовые стаканчики. Лыжники застенчиво употребляли алкоголь и розовели щеками. Самый пожилой спортсмен заметил меня и приветливо поинтересовался: «С семьей отдыхаем?»

– Ага, – согласился я.

– Расценки знаешь? – продолжил он расспросы.

– Нет, – устыдился я.

– Чирик, – проинформировал осведомленный господин, но тут же успокоил: – По первой за счет заведения. За муки, так сказать.

К крайнему изумлению собравшихся, я отказался от презентационной порции, сославшись на вынужденно принятые антибиотики. В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что практику розлива веселящего в лесу наладил владелец местного питейного заведения. Наладил еще в начале лыжного сезона, настрадавшись сам от неумеренного пристрастия жены к оздоровительным играм на пленэре.

Из леса я вышел окрыленный психическим здоровьем нации и надеждами на следующие выходные. А вечером мы с нежной моей физкультурницей Оксаной как законопослушные горожане предприняли променад в Дом кино.

В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов. К сожалению, один из них был мосфильмовским дурачком Борисом Б...ком, но это все-таки лучше, чем совсем ничего. Мы поставили ему шампанского, а он в очередной раз сладострастно нахамил нам.

– Чижик, а ты когда-нибудь на лыжи вставал, тянул ноздрями мороз с привкусом спелой кедровой шишки? – все-таки уточнил я у него.

– Сволота! Все бездари, а я – Сальвадор Дали! – звякнул бусами тот.

Удовольствовавшись постоянством неудавшегося авангардиста, мы наскоро перекусили и, от греха подальше, покинули дом кинематографической скорби. Больно уж чесались у моей нежной голубки крылышки проломить пустую башку Б...ка подаренной ему бутылкой.

По пути домой, в машине, меня захлестнула волна нежности. Я вспомнил лес, уходящую влево лыжню и осмысленные глаза своих соотечественников, укрывшихся в чаще от дьявольской несвободы мира. Я тронул губами кончики пальцев на руке возлюбленной и сказал:

– Каре миа! Я видел страны и людей, я кушал мозг обезьяны и катался на страусах, но разве это сравнимо с гулким перестуком березовых почек?! Разве есть что-либо более категоричное для здравого смысла, чем лыжная прогулка?! Я горжусь собой! Будешь ли ты рядом в следующий уик-энд, сладкая боль моя?!

– Каре миа! – шепнула она. – Я, конечно, буду рядом, сверхзвуковой мой!

На киллера!

Когда-то я мечтал о коньках. Недолго. Мне их купили. Потом я мечтал о женщинах. Тоже очень недолго. Потом я перестал мечтать и перешел к доверию. Я доверял математичке Белле Васильевне, и она мне ставила двойки. Я доверял военкомату, и он меня отправлял в армию. Я доверял каждому придорожному указателю. Потом перестал доверять, и у меня начался Великий пост. Так что вчера, расцеловав каждый локон на голове своей нежной лани – супруги Оксаны, я потрусил чреслами в сторону гастронома в поисках банки фасоли и батона хлеба «Ароматный».

Хотелось себя изнурить, чем, собственно, я и занялся. Прежде всего мое изощренное сознание представило мне реестр нелюбимых постных блюд, засим последовал неудобоваримый распорядок дня, исключаяющий отдых и высыпание, на десерт было предложено критическое отношение к собственному творчеству, что было сложнее всего вышеупомянутого, поскольку писал я всегда озорно. Но нет ничего невозможного, и я начал поиск механизма самобичевания. Вскоре стало ясно, что для достойного отчета перед вечностью мне как минимум необходимо судорожно лакать водку, что гарантировало понижение уровня профпригодности, проводить как можно больше времени с кумом Мишкой Ефремовым и своими закадыками Андреем Орловым и Гариком Сукачевым, что привело бы к полному физическому и психическому истощению, а также исключить из своего рациона всю постную пищу и ограничиться хорошо прожаренной свининой, печеным вальдшнепом и сытной порцией устриц – для пресечения псевдоподвижнических иллюзий.

Однако, наученный горьким опытом общения с собственной головой, я позволил себе усомниться в предложенной провокации и вернулся к банке фасоли, не вызывающей, в отличие от других земляных фруктов, рвотных позывов, хотя и грешащей ветрами.

Как выяснилось, со мной делили трапезу большинство столичных вертопрахов. Уж не знаю, каковы их побуждения, но посещение «Вудстока» на Люсиновской вызывало в моей сирой душе умиление: за ближним к барной стойке столом сидела компания местного хулиганья во главе с печально известным Витамином и молча ковыряла истатуированными руками кислую капусту.

– Как досуг размениваем, острожники? – поприветствовал я их.

– Постничаем мы, – твердо ответил за всех Витамин, но уточнил: – На киллера идем.

Тут в разговор вступил Гнус и в двух словах рассказал, что заприметил на крыше дома напротив неизвестного гражданина в черном. Гражданин четыре дня подряд к закату посещал крышу и блестел с нее массивной оптикой. Смекалистый Гнус усмотрел в этом повод к шутке и вызвал в подмогу Витамина. По дороге к ним присоединился бредущий с репетиции Ахмедов. Игорь шабашил постановками эротических спектаклей в ЦДХ, при этом славился тугим ударом в ухо, и друзья поспешили привлечь и его к отлову залетного душегуба. Я тоже шанса похотать не упустил, и вскоре компания двинулась на место. Миновав два квартала, мы вошли в упомянутый дом, поднялись на крышу и там расположились за кирпичной надстройкой.

Быстро смеркалось. Внизу млел в чаду автомобильных выхлопов и нереализованных причуд родной город. Не успел я еще выкурить трубку, как в чердачной глубине хлопнула дверь и вскоре жалостливо заскрипел кровельный лист. Чья-то косматая тень скользнула в двух метрах от нашего убежища и осела у решетчатого ограждения крыши. Что-то звякнуло, что-то щелкнуло. Судя по всему, злоумышленник настраивал свое адское орудие. Мы переглянулись, исказили рты воплем и ринулись на неизвестного.

Я не успел даже разглядеть незадачливого стрелка, как Ахмедов уже вкатил ему в ухо кулаком полтонны. Злодей-горемыка пшикнул воздухом, как сжатая клизма, и улетел к трубам вентиляции. На поверку он оказался приземистым господином средних лет с редющей шеве-

люрой, кокетливо увязанной сзади в косичку. Его же подозрительный инструмент был просто массивной подзорной трубой на штативе.

– Во дела! – озадачился Гнус, но констатировал: – Значит, он просто следил пока. Будущей жертвой интересовался...

– Онанизмом он интересовался, – перебил его Витамин, пуча глаз в окуляр подзорной трубы.

Я заглянул туда вслед за ним, и моим глазам открылись отвратительные картины разврата и прочих атрибутов либерального менталитета: посреди пестро обставленной гостиной на плюшевом диване кувыркалась рыхлая гражданка бальзаковского возраста с пожилым обрюзглым мужчиной в одних носках. Несвежие любовники позволяли себе такое дикое сексуальное озорство, что я смотреть дальше побрезговал и передал трубу Гнусу со словами:

– Зря мужика уделали, даже если он собирался пухнуть.

– Какая гадость! И в пост ведь! – поддержал меня Гнус и предположил: – Может, это его жена? И ее любовник? Трагедия?! Макбет! Хотя потерпевший, конечно, значительно ее моложе. Кстати, а он не издох случаем?

Мы подошли к лежащему и проверили у него на шее пульс. Сердце билось. Тихо, но уверенно.

– Жив, чикатилка! – порадовался поделщик.

– Что с извращенцем дальше делать будем? – вмешался Ахмедов. – Здесь он все фигурьки отморозит. Может, к Витамину отнесем?

– Мужики, я вам не фонд Горбачева, мне почки для пересадки продавать некому, – возмутился тот.

– Давайте его в подъезд затащим и оставим. Там тепло и сухо, – гуманно предложил я.

Больше думать не стали, а погрузили контуженного маньяка на плечи недовольного Гнуса и убрались с крыши прочь. Внизу, на уровне третьего этажа, мы усадили несчастного у труб парового отопления. Тот в блаженном беспамятстве звал какую-то бабу Лиду и сетовал на отсутствие таможенной декларации.

Расставшись на улице с товарищами, я все-таки купил батон «Ароматного» и вернулся к своей любезной половине – Оксане, которую и в эти многосложные постные времена так легко было развеселить троекратным повторением фразы: «Стручок и два гороха».

Не спит дочурка

Март неожиданно взбрыкнул метелью. Казалось, вот-вот и забулькает, но не забулькало. Почесал бубен оседлый паладин Охлобыстин, суть я, и потрусил жать, чего не сеял на творческой ниве. Перво-наперво забежал на вручение театральной премии «Московская премьера» в «Балчуг Kempinski», потом постучал пятками в Союз кинематографистов с целью выяснить, полагается ли безлошадным секретарям дополнительная жилплощадь, поскольку у моей единокровной дочурки Анфисы неожиданно прорезались в голосе изумерские децибелы и спать с ней в одной комнате стало абсурдно. Хотя и раньше вышеупомянутое дитя не давало родителям спуска.

Происходило все так: к одиннадцати вечера, после кормления, омертвевшими от непрерывного таскания руками мы укладывали Анфиску спать и бросались ужинать, а в полночь дочурка обычно начинала испытывать странное беспокойство, время от времени огорчительно кричать и плевать соской. Если же мы не заглядывали на каждый крик и не возвращали соску на место, Анфиска немедленно заходилась злобным рыданием, просыпалась и все начиналось заново. Если нам все-таки удавалось удержать соску на месте, кровинушка спала до половины первого ночи, потом без всякого усилия открывала свои хитрые глазки и принималась сучить конечностями.

В течение последующего часа нам приходилось ожесточенно трясти ребенка, пока его не пробирала дрема и он не засыпал, храпя во сне, как пьяный извозчик. Стеная, мы рушились в кровать и превращались в овощи. Как водится, в три часа нас опять будил свирепый рев чада. Переругиваясь, мы поили Анфиску из бутылочки и принимались заново укачивать ее. Она лукаво щурилась и норовила накачать в свежий памперс. Ни ласки, ни угрозы не могли заставить дитя смежить очи. К четырем утра нам начинали грезиться волшебные сцены ритуальных жертвоприношений детей в Ирландии на Празднике духов. На худой конец – варианты появления цыган-детокрадов.

Вскоре мечты уступали изнеможению, и мы сдавались на милость тещи. Что удивительно: мудрая женщина в минуту зашептывала сознание проказницы-внучки до нулевой отметки, и у нас высвобождалось два часа тревожного сна.

А ведь все хорошо начиналось. Сплю я как-то ночью, и снится мне Николай Кузанский. Стоит у стойки бара в клубе «Булгаков» и кушает креветку, а пиво не пьет. Я весь изворочался, в конце концов проснулся, а жена моя – несравненная Оксана – говорит мне: «Каре миа, ты будешь смеяться, но пора в роддом ехать, у меня схватки начались».

Каре миа спросонья занервничал, засуетился: кое-как принял ванну, позанимался с гантелями на скорую руку, позавтракал и повез любезную супругу рожать. По приезду в родильное отделение вызвал сонных медиков, отправил с ними Оксану на материнский подвиг, а сам побежал в ларек за шампанью.

Спустя каких-то два часа я уже наслаждался рулькой в ресторане «Ангара», а по завершении банкета беспечные товарищи, к слову сказать бывшие авиаторы, уволокли меня в баню с эротическим массажем. Лютых трудов стоило убедить смешливых проказников – Пашку Сопелкина по кличке Мойдодыр и Генку Балерина по кличке Варяг, что я не нуждаюсь в половом отдыхе и рождение у меня ребенка вовсе не повод к безоговорочному разврату. Всеми правдами и неправдами я остался в предбаннике и под отвратительный визг прыщавых харьковчанок, доносящийся из парилки, написал сценарий полнометражного художественного фильма «Соня Золотая Ручка». Вот она, жизнь веселого парнишки с Войковской! Вот она, судьба первопроходца диковинных литературных куш!

Как утверждает известный столичный мистик и сердцеед Санька Копов, судьбе, как рейверше, все по душе, в том числе и коленно-локтевая позиция. Впрочем, мистикам особо верить

тоже ни к чему. Этот же Копов и надул меня, не оплатив мой двухнедельный труд над разработкой компьютерной игры «Гэг» о тяжелой доле эротомана, вскрывающего мрачный замысел графини-сатанистки бальзаковского возраста. Ну, мистик, погоди! Припекут тебя черти на сковородке за сиротские 600 баксов! Впрочем, сценария там так и не появилось. Другое дело, прожиг и резонер Миша Ефремов.

– Давай, – как-то говорит, – Ванек, напиши мне искрометную пьесу типа «Горе от ума».

– Говно вопрос! – отвечаю. – Забацаю, легче легкого. Только денег плати!

Первые два листа я написал летом в Ялте, находясь на съемках фильма «Приют комедиантов», остальные сорок четыре – осенью в Москве с похмелья за два часа, в ожидании приезда Миши, так как накануне умудрился ляпнуть ему, будто пьеса уже давно готова. Ожидаемое произведение я прочел тем же днем на кухне у Миши в присутствии его жены и моей кумы – актрисы Жени Добровольской. По окончании чтения я скромно сложил листы в стопку и затих в расчете на допустимую критику. Однако критики не последовало. Мишу не смутила формулировка «сношать ее орально» и не покорило частое упоминание лиц еврейской национальности. Более того, предложенный им тут же вариант реализации пьесы ужаснул и меня, и Женю беспардонностью по отношению к здравомыслящему зрителю. Неукротимый талант Михаила нарисовал нам его устами зловещие сцены наркотических синдромов, которыми мучаются главные герои. Тут наличествовали: ниндзя, драконы и портреты японского самоубийцы Мисимы. Учитывая, что и так на сцене два великовозрастных подонка и проститутка должны беспрерывно трясти гениталиями и пистолетами, можно было себе представить, во что превратится спектакль. Естественно, мы попытались воспрепятствовать параноидальному замыслу постановщика, и он податливо внял нашим увещаниям, но поставил все-таки как и задумал. Надо отдать ему должное – себе он верен, как персидская наложница – шаху.

Впрочем, публика осталась очень довольна. Пожилой зритель утвердился в своих представлениях о жизни молодежи как о кошмаре, молодой – в своей крутизне, а эстетов, как всегда, порадовало то, что все дураки, а они – Д'Артаньяны. На пресс-конференции Миша окончательно подкупил маргинальную публику заявлением, будто пьеса посвящена неконформистам шестидесятых, а Иван Охлобыстин – новый Пушкин. С Пушкиным я спешно согласился, а по поводу неконформистов промолчал: я их, честно говоря, всегда недолюбливал за склонность к сочинению на кухне конституций и несоблюдение элементарных правил половой гигиены.

О чем я, собственно? А! Не спит дочурка.

Инсомния

Из всего перечня предложенных эволюцией темпераментов мне достался самый функциональный – сангвиник. И я был просто ошеломлен возможностью проявления на столь благодатной почве незапланированной возрастом дисфункции. Тем паче – инсомнии, проще говоря: бессонницы.

– *Что самое важное в жизни, папа?* – спросила меня однажды дочь.

– *То, что после самого неважного рассказывают, если время остается,* – ответил я.

(Разговор с десятилетней Варечкой)

Все началось с общественных беспокойств. В них прошел весь день. Тектонические пласты чужих суждений и собственных выводов напоздали друг на друга, время от времени выражаясь в бессвязных обрывках фраз, высказанных воздуху перед собой, типа: «Логике не вижу, вижу ваше нежелание в зеркало смотреть. И цитаток наугад не стоит лепить. Шестов имел в виду совершенно другое. А на “слабо” даже не начинайте. Всем азартным играм предпочитаю “русскую рулетку”. Кишка тонка со мной о смысле жизни диспутировать. Вы ни любить, ни ненавидеть не умеете, электроники недопаянные».

К вечеру тело принялось устало млет, мозг же отнюдь – только разогрелся, будто дизель по холодку. Тело я положил у телевизора и включил ему старый кинофильм «Чарли и шоколадная фабрика» Тима Бёртона. «Дай, – думаю, – побалую сентиментальщиной, авось задремлет. Тело честно пролежало этот фильм и еще один, не менее мечтательный, потом отказалось подчиняться напрямую, встало и пошло гулять. Бунтовать смысла не было: сам виноват – навскидку пытался спрогнозировать реакцию мирового сообщества на пакистано-индийский ядерный конфликт. Плюс: не смог без внимания новые данные о поведении стволовых клеток пройти.

А уже ночь на дворе. Благо и погода жуткая – морозно, ветрено, и район жуткий, что, в принципе, на местных почти не сказывается, чего объяснить научно нельзя. В общем, все условия для прогулки свободного человека.

Гуляем километров пять в парке за шлюзами. Не видно ни зги, снег, кое-где по щиколотку. По пути невольно вспугнули последнего запоздалого лыжника. Некоторое время чуть поодаль за нами плелась стая из пяти – семи бродячих собак, но приблизиться так не решилась. Что и понятно – не каждой ночью суровой зимой в глухом лесу одинокие прохожие без явно выраженных намерений встречаются. Мозг к этому сроку сменил формат передачи на образно-иероглифический, отчего даже хозяйственные заботы стали напоминать обрывки видеоклипов с VH-1, то и дело перемежаемых цитатами из «Необходимости себя» покойника Мамардашвили и едко прокомментированных столь мне любезным Эдуардом Лимоновым: «Как близко подошли, заплутались в мотивациях!»

К пяти часам возвращаемся с телом домой, свежие, как утренняя роса. Сна ни в одном глазу. Разве что – во рту нестерпимо горький привкус пейота. Взяли по обоюдному согласию роман Германа Гессе «Игра в бисер» и действительно увлеченно прочли двадцать страниц. Решили книгу сменить на «Столп и утверждение» Флоренского. Глубже семнадцатого листа в нее никто не погружался. Не нашли «Столп и утверждение».

Плохо, с пристрастием, смотрели на ряды водочных бутылок. Дома двести литров водки. Горячительным и патронами на общественные беспорядки в том году запасались.

Тут выяснилось, что утро настало и на работу пора. Позвонили с известием, что машина уже у дома.

Работалось нормально. Очевидно, в процессах, жестко мотивированных финансово, тело включает недоступные для праздности резервы.

Со съемок вернулся вроде бы уставшим. «Ну вот, – подумал. – Сейчас в сон как в омут». И?! Тело лежало ровно час, потом поднялось и традиционно двинулось на улицу. А привезли меня, извините, к полуночи. Логика тела была очевидна, но я все больше склонялся к виски. Хотя на этом градусе измота – только абсент. Но абсент как Джуманджи, не факт, что из сказки обратно вернешься. Виски законопослушней, хоть и нудновато. Однако тело отравлению сопротивлялось. Надеюсь естественным путем до сна истощиться. Куда там?! Человек не подозревает и о малой толике той физической и умственной мощи, коей Господь наделил его.

Я прихватил с собой плеер с Dead can Dance и к половине четвертого утра обошел под кельтские камлания все работающие в районе ночью учреждения, включая пункт травматологии, трамвайное депо и даже поднялся по ржавой лестнице на крышу старой котельной. Была у меня в детстве такая же котельная, с такой же лестницей. Еще тогда мечтал забраться. И причем на самый верх трубы, где красная лампочка прямо под облаками горела.

После еще нескольких ночных проказ я убедил тело попробовать горячую ванну и мед. Липкого и полуобваренного в ванной утром меня застала супруга, куда принесла обкакавшегося во сне Савву. Нежная мать заглянула в мои выпученные, не ко времени осмысленные глаза и крайне обескуражилась.

Тут, как водится, и машина со съемок подъехала.

Работалось хорошо, даже чуть-чуть лучше, чем прежде. С огоньком. Что по мне – немного это странно. Да вот: много и без повода смеялся. По возвращении домой веселое настроение меня не оставило, и, когда семья улеглась, я разрешил телу вырваться на улицу. Вышел, взглянул в затухающий горизонт, и он мне категорически не понравился. Да не только он. Все как-то не по-нашему было. Словно рядом, подавливая этот, двигался другой мир. Время от времени из другого мира прорывались бесформенные объекты. Но не осмысленные еще нами законы природы не позволяли этим объектам себя реализовать в полной мере.

Я пошел по улице прямо, никуда не сворачивая, мимо комплекса зданий налоговой инспекции, в сторону Волоколамского шоссе. Соседний мир крался где-то неподалеку, ускользая от глаз за черным зиккуратом электростанции, за черепицей автомобильных крыш на стоянке, у ослепительно желтой бензоколонки. С каждым шагом его явственное присутствие наполняло мой организм мистической силой. Мне грезилось, что при желании я мог бы легко передвигаться, прыгая по фасадам зданий, верхушкам деревьев, заглядывать в окна и поправлять покосившиеся скворечники. Естественно, на практике я этого предпринимать не намеревался, искренне полагая, что подобные чувства – не более чем случайный набор стандартных нейролептических реакций, и виной тому бессонница. К половине седьмого утра неземные чувства отступили, и я первый раз зевнул.

Через полчаса в районе тушинского аэродрома меня подхватила служебная машина и отвезла на съемки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.